

МИРА ВОЛОДИНА

НА СВОЕМ *месте*

18+

Мира Володина
На своем месте

«Автор»

2026

Володина М.

На своем месте / М. Володина — «Автор», 2026

Она думала, что любовь бывает двух типов: тихая заводь или сокрушительный ураган. Кира выбрала первую — и проиграла. Муж изменил, унизил, заставил сомневаться в себе. Сбежав на Бали, она хотела просто забыться, но встретила ураган по имени Глеб. Страсть, ослепление, ложь и брак, о котором она не просила. Он — владелец отеля, циничный и властный. Она — беглянка, которую он не собирается отпускать. Теперь Глеб ставит ультиматум: шесть месяцев честной попытки построить семью — или вечная осада, где каждый день будет битвой. Кира соглашается. Но можно ли назвать любовью то, что началось с обмана? И можно ли доверять мужчине, который однажды уже предал её доверие? Они бьются в стенах одной крепости: он учится не душировать заботой, она — не бежать при первой опасности. А когда под сердцем оказывается новая жизнь, вопрос выбора исчезает. Остаётся только один путь — строить дом на руинах прошлого.

© Володина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тихая заводь	5
Глава 2. Воронка воспоминаний	16
Глава 3. Один шанс	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

На своем месте

Глава 1. Тихая заводь

Пролог

Кира прочитала в какой-то художественной книжке, что любовь бывает двух типов.

Первый тип — это когда люди знакомятся где-то в общем окружении. Учатся вместе, работают в одном месте. Общаются, встречаются с друзьями, привыкают друг к другу постепенно, как к удобной паре тапочек. Потом, без особых потрясений, понимают, что им хорошо вместе. Спокойно. Надёжно. И тогда создают семью, рожают детей и живут долго и счастливо. Или, по крайней мере, долго и привычно. Любовь эта медленно, как вековое дерево, пускает корни и перерастает в нечто большее — в чувство тыла, в ощущение «мы», в знание о человеке как о продолжении себя самого. В одно целое.

Так было у неё с Андреем. Они встретились в институте, на вечеринке у общих друзей. Никаких молний. Просто приятный парень с добрыми глазами, который вызвался проводить её до дома. Потом звонок, поход в кино, первая неловкая и тёплая близость. Потом свадьба, потому что «уже пора» и «родители ждут внуков». Потом дети — сначала сын, потом дочь. Общая ипотека, общие заботы, общие праздники. Они растили не только детей, но и друг в друге привычку, удобство, бытовую нежность. Она называла это любовью. И была уверена, что так и есть. Так и должно быть. Это была тихая заводь, а Кира никогда и не ждала бурных морей.

А бывает любовь, — как писалось в той книге, которая теперь казалась ей зловещей, — которая настигает тебя как ураган. Налетает как скорый поезд, сметающий всё на своём пути. Она не спрашивает разрешения. Она не считается с твоими планами, принципами или клятвами. Она просто приходит и рушит. Семьи, судьбы, представления о себе. И, как заключала автор с мрачной поэзией, не дай Бог встретить такую любовь. Но тот, кто не встретил такую любовь, тот и не любил никогда.

Кира, прочитав это давным-давно, на заре своей семейной жизни, скептически хмыкнула. Сентиментальная чушь для недолюбленных романтиков. Ей это не грозит. Она никогда не искала такой любви и не хотела. Её устраивала её тихая, семейная, как она всегда считала, самая что ни на есть настоящая. Её дорогие люди — Андрей, дети, будущие внуки — были той самой крепостью, которую никакой ураган, как ей казалось, не возьмёт. Она была строителем этой крепости, её хранителем и обитателем.

Но Андрей... Андрей пустил всё под откос. Он взял и разменял их общее «целое», их крепость, тихую любовь на мимолётный всплеск страсти с молодой коллегой. И не просто мимолётный. Должен был родиться ребёнок. Крепость дала трещину и рухнула в одночасье, оказавшись картонным домиком. Развод стал адом, тягучим и унижительным.

Размышления о той книге, о двух типах любви, приходили к Кире не в тишине библиотеки, а в гулком, безликом зале суда, где пахло пылью и отчаянием. Она сидела на жёсткой скамье, слушая, как её адвокат — женщина с усталым, непроницаемым лицом — говорит что-то о разделе имущества. А Кира думала о том самом «дереве», что пустило корни. Их общая трёхкомнатная квартира в спальном районе, которую они выплачивали пятнадцать лет. Их дача, где каждый куст смородины был посажен её руками. Фотографии детей на стенах, которые теперь придётся снять и... поделить? Как делят воспоминания?

Часть 1 — Тихая заводь

Андрей сидел в трёх метрах от неё, скрестив ноги, изучая узор на линолеуме. Он выглядел не злодеем, а просто... чужим. Похудевшим, помолодевшим в новых очках, в рубашке, которую она не покупала. Он был воплощением того самого «спокойного и надёжного», которое внезапно оказалось фальшивкой.

Не ураган пришёл извне. Он зародился внутри самой крепости. Настоящее крушение случилось не в суде. Оно произошло за несколько месяцев до этого, на их кухне, которая уже не казалась уютной. Той самой кухне, где она варила тысячи ужинов, где проверяла уроки у детей, где они с Андреем пили чай после работы, обсуждая планы на отпуск. Она нашла смс. Не искала. Просто его телефон лежал на столе, заряжался, и на экране всплыло сообщение: «Не могу дождаться завтра. Ты точно ей всё скажешь? Я уже не справляюсь». Имя отправителя — «Катя С. Офис».

Мир не рухнул сразу. Он замер, как маятник в высшей точке. Потом началась череда ужасно банальных вопросов, ответов, слёз и оправданий.

— Это просто флирт, Кир, ну что ты раздуваешь! — говорил он, отводя глаза. — У всех так. Работа нервная, хочется лёгкости. Ты же сама вся в детях и в этой своей работе.

— «У всех так»? — её голос звучал хрипло, не её собственный. — Это что, норма? Ты ей пишешь, что «не можешь дождаться»?

— Преувеличиваешь ты всё, как всегда! — он раздражённо махнул рукой, и этот жест ранил сильнее любой измены. Это был жест человека, отмахивающегося от надоедливой мухи. От её боли. — Я просто поддерживаю коллегу. У неё сложный период.

Но ложь была липкой и прозрачной. Она чувствовала её в воздухе. Потом были «задержки на работе», новые духи от него, которых он раньше не носил, и её собственная, нарастающая тихая паника. Она худела, не могла спать, ловила на себе его взгляд — не любящий, а оценивающий, усталый.

И тогда случился «разговор». Не сцена ревности, а последняя, отчаянная попытка достучаться.

— Андрей, я не могу так. Я схожу с ума. Давай или всё прекращаем, или... мы идём к психологу. Вместе. Спасать то, что осталось.

Он долго молчал, смотрел в окно на детскую площадку, где когда-то качались их дети.

— Спасать... — он произнёс это слово так, будто пробовал на вкус что-то кислое и незнакомое. — Кира, посмотри на нас. Вернее, посмотри на себя.

Она замерла, не понимая.

— Когда ты в последний раз смотрела на себя в зеркало? — его голос был не злым, а... констатирующим. Жестоко беспристрастным. — Серьёзно. Тебе уже... У тебя вечно дети, внучка или твоя работа. Ты живёшь в каком-то своём мире. А мир вокруг изменился.

У неё перехватило дыхание. Слова не резали — они давили, сплющивая всё внутри. Её заботу о доме, её работу (она практически тянула всю их семью, молодую семью сына, студентку-дочь), её усталость от быта — всё это он превращал в обвинение. В её несостоятельность.

— Ты думаешь, мне легко? — его голос сорвался, в нём прозвучала неподдельная, эгоистичная обида. — Я тоже хочу жить! Дышать! А тут вечно напряг, ипотека, твоя вечная усталость... Катя... она просто видит во мне мужчину.

И самый страшный удар, последний, добивающий, он нанёс почти шёпотом, глядя ей прямо в глаза, как будто делая ей одолжение, открывая горькую правду:

— Очнись, Кира. Тебе сорок пять. Кому ты, в твоём-то состоянии, ещё нужна будешь? У тебя двое взрослых детей, и вообще, ты уже бабушка. Мы — это всё, что у тебя есть. Так что, может, не стоит раскачивать лодку? Все так живут. Привыкнешь.

В тот момент в ней что-то умерло. Не любовь — она уже истекла кровью от предательства. Умерла последняя надежда на то, что их «тихая заводь» была хоть чем-то ценным для него. Для него это была просто «лодка», в которой стало тесно и неудобно. А она — балластом, который мешает плыть дальше, к новым, ярким берегам.

Кира не кричала. Не бросалась вещами. Она просто вышла из кухни, закрыла за собой дверь в спальню и села на кровать, глядя в стену. Слез не было. Была пустота, огромная и звонкая. Он не просто изменил. Он унизил её. Превратил её жизнь, её материнство, её карьеру в жалкую картину ненужности. И самым страшным было то, что часть её — та, что устала, что забыла о себе, — поверила ему. На секунду. «А вдруг он прав?»

Именно тогда и родился её побег. Не физический ещё, а внутренний. Она перестала бороться. Молча подписала бумаги о разводе, когда выяснилось, что «Катя из офиса» беременна. Отказалась от большей части имущества — ей было противно делить каждую штору. После раздела ей досталась маленькая двухкомнатная квартира в спальном районе и глухая, всепоглощающая обида. Обида не столько на него, сколько на саму себя — за то, что позволила так себя унижить, что построила жизнь на песке чужого удобства.

Именно тогда её подруги, Маша и Мила, стали её спасательным кругом. Они не говорили пафосных слов. Практичная Маша просто привезла ей готовой еды на неделю вперёд и взяла на себя все разговоры с адвокатом. Романтичная Мила ночевала у неё первую неделю после переезда, заваривала пустырник и молча держала её за руку, когда та плакала от бессилия.

— Ты с ума сошла, слушать эту чушь про «никому не нужна»! — фыркала Маша, вытирая пыль в её опустевшей квартире с такой яростью, будто счищала с поверхностей самого Андрея. — Да он сам-то кто? Заурядный офисный планктон, который в сорок пять лет нашёл пошлый способ помолодеть! Ты — личность! Он тебя не достоин.

— Тебе нужно не «привыкать», а встряхнуться, — мягко, но настойчиво говорила Мила, заплетая ей на ночь волосы, как когда-то в общежитии. — Вырвись из этого болота. Хоть на время. Увидишь другой мир, других людей. Вспомнишь, какая ты на самом деле. Не жена Андрея. А Кира.

И они вдвоём, как добрые, но решительные феи-крёстные, организовали её побег. Купили путёвку на Бали. Упаковали чемодан. Довезли до аэропорта.

— Клином клин, — строго сказала Маша на прощание, поправляя воротник её пальто. — Ты не бежишь от... Ты едешь к... К новой себе.

— Просто позволь себе пожить, — прошептала Мила, обнимая её. — Никто не ждёт от тебя решений. Только солнце, море и свобода. Обещай, что позволишь себе быть счастливой. Хотя бы на две недели.

Кира пообещала. Зашла в самолёт с ощущением, что переступает порог не просто другого летательного аппарата, а иной реальности. Реальности, где нет унижительных слов бывшего мужа, нет запаха его нового одеколона в лифте, нет сочувствующих взглядов соседей. Где она — просто женщина. Одна. С возможностью начать всё с чистого, пустого, не замусоренного чужими оценками листа.

Часть 2 — Ураган

Тогда она даже не предполагала, что её ждёт не просто отдых. Её ждал ураган. Тот самый, «не дай Бог» такой встретить. Именно тогда, в эту пустоту, в это выжженное пространство, где

ещё пахло гарью предательства, её и настигло То Самое. То, о чём она иногда читала только в любовных романах.

Нет, сначала это не был ураган. Сначала это была просто попытка не задохнуться. Отчаянный, пьяный, позорный поступок в чужом пентхаусе дорогого отеля. А потом... потом оказалось, что этот незнакомец с бархатным голосом, Глеб, и есть тот самый «скорый поезд». Он въехал в её жизнь на полной скорости, когда все сигналы были сломаны, а пути разобраны. И за несколько дней он успел не просто разрушить остатки её старого мира — он выстроил внутри неё новый, ослепительный и пугающий, полный страсти и какой-то невыносимой, умопомрачительной близости, которой у неё с Андреем не было никогда.

А потом — открывшаяся правда. Циничная, жестокая. Что это была не судьба, не та самая, настоящая любовь, а хорошо спланированная игра хозяина отеля, самовлюблённого бабника. И за ослеплением последовало опустошение. Горькое, солёное, как морская вода, хлынувшая в лёгкие. Опустошение оттого, что её снова использовали. Что она снова поверила в сказку, которой в её возрасте уже просто не может быть.

Но странное дело. Вместе с этой пустотой пришла и другая, парадоксальная тоска. Безумная, ноющая, физическая. Не по пентхаусу и не по Бали, и не только по Глебу как по интересному мужчине и великолепному любовнику. Тоска по тому ощущению полёта, по той силе чувства, которое он на миг в ней разжёл. По тому, что она, оказывается, «способна» на такую бурю. На такую глубину. На такую разрушительную, всепоглощающую страсть, о которой читала в той книге.

Она проклинала и тот день, когда её рука потянулась к той книге на полке, и тот вечер, когда она сказала в лифте «к тебе». Но где-то в самой глубине, под слоями стыда, гнева и разочарования, таилось жуткое, невыносимое знание. Автор той книги был прав. Не дай Бог встретить такую любовь. Потому что после неё тихая заводь уже никогда не будет прежней. Она покажется мелкой лужей. И тот, кто не встретил... тот, возможно, и вправду не любил никогда.

Но вот вопрос, от которого кровь стыла в жилах: а можно ли назвать любовью то, что началось с обмана, причём обоюдного? Или это была просто искусно поданная иллюзия, а её душевный шторм — лишь последствие крушения, а не настоящая буря? Кира не знала ответа. Она знала только, что сейчас, сидя в своей квартире, она разбита. На две части. Та, что была до Бали. И та, что стала после. А между ними — пропасть, заполненная воспоминаниями о тех днях, которые перевернули всё. И о мужчине, который, возможно, был самым большим обманом в её жизни. Или — самым настоящим чувством, встреченным в самый неподходящий момент.

Одно она понимала точно: книга не предупредила, что бывает и третий сценарий. Когда ураган приходит «после» крушения. И разрушать ему уже нечего. Остаётся только смешать обломки прошлого в странную, новую, ещё не понятую форму. Или разметать их окончательно.

Прошло полгода. Ровно сто восемьдесят три дня, которые Кира старательно отсчитывала, как заключённый — зарубки на стене, надеясь, что с каждой новой царапиной боль станет тупее. И она становилась. Постепенно. Она смогла вернуться в свою прежнюю жизнь — не в ту красиво выстроенную счастливую семейную картинку, а в свой настоящий, выстраданный, пахнущий книгами и детскими рисунками дом. Она снова вошла в свой кабинет в юридической фирме, где на столе ждали папки с делами об авторских правах и лицензионных соглашениях. Мир, состоящий из параграфов и прецедентов, оказался удивительно устойчивым и целительным. Здесь всё подчинялось логике. Здесь не было места ураганам.

В зеркале на неё смотрела женщина сорока пяти лет, невысокого роста, с пышными, но красивыми формами, которые она научилась принимать и даже любить. Выющиеся каштановые волосы, всегда слегка непокорные, спадали ей на плечи. Серо-зелёные глаза, обычно живые и насмешливые, в последние месяцы чаще смотрели устало и настороженно. Она всегда была

яркой, с чувством юмора, ухоженной, но без излишеств и пластики — её красота была естественной, чуть помятой жизнью, но от этого не менее притягательной.

Кира даже подругам, самым близким, тем, с кем всегда делилась и горем и радостью, ничего не рассказала про Глеба — не смогла. Они видели, что из отпуска она прилетела раньше запланированного и в ещё худшем состоянии, чем улетала. Но на все расспросы Кира лишь улыбалась натянутой, несчастной улыбкой и отмалчивалась. Маша и Мила пытались её развлечь, отвлечь, знакомили с мужчинами — коллегами, дальними родственниками, «очень перспективными кандидатами». Но всё было безуспешно. Кира держалась в себе. Она не хотела обижать подруг, отвергая их заботу, но и рассказать правду не могла. Это был её позор, её безумная сказка, та часть жизни, которую, как ей казалось, никто и никогда не узнает.

Кира чаще старалась видиться с детьми, нянчила маленькую Кирочку, в чьём беззубом смехе находила капельки чистого, не омрачённого счастья. Она даже научилась слышать имя «Андрей» — своего бывшего — без того, чтобы внутри всё сжималось. Он был теперь просто частью прошлого, как выцветшая фотография в альбоме: узнаваемая, но не вызывающая ничего, кроме лёгкой, усталой грусти.

Казалось, жизнь потихоньку налаживается. Шрам затягивался. Она почти, «почти» смогла снова дышать полной грудью. Почти смогла поверить, что та история на Бали была просто странным, болезненным сном, галлюцинацией на почве стресса. Аберрацией. Она даже пару раз сходила на свидание с очень приятным, чутким коллегой Ильёй, давно проявлявшим к ней знаки внимания. У них было много общего. Илья был в прошлом работником прокуратуры, занимался спортом, разведён и как мог старался воспитывать двоих детей, оставшихся с матерью за границей. С ним было спокойно, уютно, но... это был не Глеб.

Часть 3 — Встреча после разлуки

Она всё это время старалась забыть само название острова и его имя, но память цепко хваталась за каждую секунду тех восьми дней сказки.

И именно в этот момент он вернулся.

Не сразу, не в один день. Сначала однажды она увидела его в окно — в мимо проезжающем авто. Мелькнул профиль, знакомый до боли. Она отмахнулась: показалось. Нервы. Потом — в ресторане, за соседним столиком, где ужинала с постоянным, но довольно назойливым клиентом. Она пыталась убедить себя, что это совпадение, просто человек похож. Но его взгляд — пристальный, сверлящий, неотрывный — говорил об обратном.

Он сидел и наблюдал. Наблюдал, как она, стиснув зубы, пытается вести светскую беседу, как этот клиент, человек средних лет с масляными глазами, переходит все границы, касается её руки, тянется к её лицу под предлогом снять несуществующую соринку. И Глеб не выдержал.

Он встал и подошёл к их столику. Взгляд его был холодным, а голос не оставлял места для возражений.

— Кира, нам пора. Домой. Сейчас.

Он взял её под локоть и поднял из-за стола почти силой. Она была в шоке. От его внезапного появления, от этого спектакля, от его наглости. Хотя где-то в глубине, к своему стыду, она почувствовала дикое облегчение. Избавиться от этого прилипчивого хлыща было настоящим подарком.

Уже на улице, в холодном вечернем воздухе, шок сменился яростью.

— Кто вы такой?! — выдохнула она, вырывая руку. Её трясло — и от холода, и от адреналина, и просто от одного его вида. — Что вам нужно? Что это за шоу? Как вы меня нашли?

— Я искал тебя полгода, — сказал он, не отводя взгляда. Его лицо было напряжённым в свете уличных фонарей. — И нашёл. И теперь хочу услышать от тебя ответ на один вопрос: почему?

— Какой «почему»? — Кира почти кричала, чувствуя, как подступают слёзы бессилия.

— Почему ты тогда срочно улетела? Не попрощалась, не оставила даже записки.

— Меня... срочно вызвали. Я не хотела тебя будить! Да я и не думала, что для тебя эти несколько дней что-то значат! — слова вырывались из неё раскалёнными камнями. — Я слышала разговор твоих работников! Для тебя это был просто очередной уикенд с очередной случайной женщиной! Нам было хорошо, но для тебя это привычно! Я не первая и не последняя! Я думала, ты уже давно про меня забыл! И кто ты такой, чтобы что-то от меня требовать?!

В этот момент к обочине подъехало такси, высадив пассажира. Не думая, на чистом инстинкте самосохранения, Кира метнулась к открытой двери, вскочила внутрь и крикнула: «Поехали!». Машина тронулась. В последний миг она увидела в зеркале заднего вида его фигуру на тротуаре. Он даже не пытался её остановить. Просто стоял и смотрел.

И в этой его неподвижности было что-то страшное.

Он стоял, окаменев, пытаясь осмыслить этот абсурд. Она метнулась к такси, как загнанный зверь, инстинктивно — прочь от него. Он видел её испуганное лицо в окне, когда машина трогалась. Он мог бы остановить её. Догнать, вытащить. Но это ничего не даст. Он просто стоял, чувствуя, как пустота снова заполняет его изнутри, вытесняя даже гнев. Он стоял и смотрел вслед уезжающим стоп-сигналам.

Она сбежала. Снова.

Полгода. Шесть месяцев пустоты, звенящей тишины в голове, которую не могли заглушить ни работа, ни алкоголь, ни другие женщины. Они были бледными тенями, меркнувшими на фоне её образа. Месяцы поиска, частный детектив, своя охрана, распространённые имя и фамилия, слишком мало данных. А потом — случайный снимок в соцсетях знакомого знакомого, фоном, в ресторане. Её профиль. Удар поддых.

Он не подошёл сразу. Он наблюдал. Несколько дней. Изучал её маршрут, привычки, этот новый, натянутый и слишком яркий макияж. И вот он сидит в том же ресторане, пьёт кофе, который кажется отравой, и смотрит, как она пытается улыбаться сидящему с ней мужчине. У того масляные, жадные глаза, и его руки слишком навязчивы. Он касается её запястья, тянется к её лицу. А она отстраняется, но лишь на сантиметр — клиент ведь.

В Глебе что-то лопнуло. Тихий, холодный шелчок, после которого мир обрёл чёткие, резкие границы. Он больше не мог этого выносить. Её улыбку этому ничтожеству, её унижение. Это его женщина. Он встал. Его тело двигалось само, отлитое из стали. Он подошёл к их столу, и весь его гнев, вся боль полугода отчаяния сконцентрировались в ледяном, абсолютном взгляде. Её глаза, полные шока, были для него наградой. Хоть какая-то живая эмоция вместо той маски, что она носила.

— Кира, нам пора. Домой. Сейчас.

Его голос звучал чужим, властным, не оставляющим пространства для дискуссий. Это была не просьба. Это был приказ. Приказ тому миру, в котором она решила жить без него. Он взял её под локоть, почувствовал, как она замерла, и поднял из-за стола. Её сопротивление было чисто инстинктивным, слабым. Где-то в глубине, сквозь ярость, он уловил в ней облегчение. И это его бесило ещё больше. Почему она просто не ушла сама? Почему позволила этому... этому «кому-то» до себя дотрагиваться?

На улице её вопрос обжёг ему лицо.

«Кто вы такой?! Что это за шоу?»

«Кто я такой?» От этого вопроса сжались челюсти. Полгода поисков, бессонных ночей, полубезумных теорий — похищение, амнезия, чья-то злая воля. И всё оказалось банальнее и болезненнее. Она просто сбежала. Сбежала от него.

Она сыпала оправданиями, обвинениями, выкрикнула что-то о разговоре его работников, о «случайном уикенде». Его мир рухнул в тот миг окончательно. Всё это время... она так думала о нём? Она верила какому-то... больше, чем тому, что было между ними? Больше, чем ему?

После этого случая она несколько дней оглядывалась на улицах, боялась заходить в офис, вздрагивала от каждого звонка. И когда почти успокоилась... Он снова её нашёл. И, судя по всему, не собирался останавливаться.

Часть 4 — Гость из прошлого

Прошла неделя. Семь дней, в течение которых он знал каждый её шаг, видел, как она оглядывается, вздрагивает, живёт в страхе. «От него». Эта мысль жгла изнутри. Но он не мог остановиться. «Случайный уикенд». Эти слова жужжали в его голове, как злые осы. Он должен был заставить её понять. Должен был вырвать эту ложь с корнем.

Он стоял у её подъезда, глядя на огонёк в её окне. Её крепость. Та самая, из-за стен которой она нанесла ему этот удар. Теперь он ломал ворота. Он набрал код домофона. Звонок прозвучал для него не как выстрел, а как первый удар колокола. Решающий. Всё, что было после — тишина в трубке, её прерывистое дыхание — он чувствовал кожей. Он не просил. Он констатировал факт. Факт их общей истории, факт его присутствия, факт того, что бегству пришёл конец.

Он слышал, как щёлкнул замок. Дверь открылась, впуская его в её мир, пахнувший её духами, вином и страхом. Он шагнул внутрь. Теперь отступить было некуда. Ни ей, ни ему.

И вот он пришёл. Не в офис, не на людной улице — он пришёл к ней домой, в её крепость, в тот самый вечер, когда она, наконец, позволила себе выпить бокал вина в одиночестве на балконе, думая не о прошлом, а о том, какой красивый закат. Звонок в домофон прозвучал как выстрел. Голос в трубке был низким, знакомым до мурашек. Без бархата, без намёка на улыбку. Твёрдым, как гранит.

— Кира. Это Глеб. Впусти меня. Нам нужно поговорить.

У неё подкосились ноги. Мир, который она так кропотливо собирала по кусочкам, снова затрещал по швам. Она хотела крикнуть «Нет!», бросить трубку, выключить свет и притвориться мёртвой. Но её пальцы, будто чужие, сами нажали кнопку «Открыть».

Он поднялся. Стоял в её прихожей, где висели детские рисунки внучки. Он выглядел... другим. Не тем искусителем с Бали. Он был подтянут, собран, но в глазах — не уверенность, а какая-то лихорадочная, сдерживаемая напряжённость. Как у человека, идущего на важнейшие в жизни переговоры, исход которых неизвестен.

Кира ожидала упрёков, холодного расчёта, демонстрации власти. Готова была давить на свою обиду, выставлять щиты из ледяных аргументов. Но это напряжение в его взгляде, эта почти физическая вибрация, с которой он стоял перед ней, обрушили все её приготовления. Он сделал шаг вперёд, переступив порог, и дверь с глухим стуком захлопнулась за его спиной. В тесном пространстве прихожей пахло яблочным освежителем и её духами, но через секунду его запах — дорогой кожи, морозного воздуха с улицы и его — заполнил всё.

Он не сказал ни слова. Просто смотрел. И этого было достаточно. Всё — сдержанность, обида, злость — рухнуло, как картонный домик. Нахлынула память тела. Не память ума о лжи и подставе, а живая, жгучая память кожи о его прикосновениях. О том, как его руки, сильные и уверенные, прожигали ткань, как его губы знали путь к каждому её сокровенному уголку. Шесть месяцев вытеснения, шесть месяцев пустой, холодной кровати взорвались изнутри ослепляющей волной желания.

Он, казалось, прочёл это мгновенное предательство её собственного тела в её глазах. В его взгляде вспыхнула не просто страсть, а что-то дикое, триумфальное и одновременно отчаянное. Не было времени на то, чтобы дойти до спальни, не было сил притворяться. Он налетел на неё, как ураган, прижав к стене между вешалкой и зеркалом. Зеркало задрожало. Его губы нашли её губы не в поцелуе, а в захвате, в признании: «Ты тоже помнишь. Ты тоже хочешь».

И она не смогла ему противиться. Даже не ему — себе. Своей тоске, своему голоду, который она так тщательно прятала под слоями повседневных забот. Это было то, о чём она больше всего грезилась в самые тёмные ночи. Не его оправдания, не его обещания. Его руки, срывающие с неё кардиган. Его губы, жадно прикипающие к её шее. Грубый, отчаянный натиск, стиравший границы и претензии. Всё, что было накоплено за шесть месяцев одинокого ожидания (хоть она и отрицала даже само его существование), выплеснулось в один яростный, немой миг.

Это была не нежность. Это была ярость. Ярость против разлуки, против лжи, против самих себя. Он поднял её, она обвила его ногами, чувствуя, как стена холодна у неё за спиной, а его тело жарко и требовательно. Он взял её прямо там, в прихожей, среди привычных, домашних вещей, превратив её крепость в арену их взаимного безумия. Было быстро, грубо, почти жестоко в своей интенсивности. И это было именно то, что им обоим было нужно — не физическое удовлетворение, а подтверждение. Подтверждение того, что эта химия, этот магнит между ними — не мираж. Что он пережил обман, гнев и полгода разлуки.

Когда всё закончилось, тишину нарушало только их прерывистое, хриплое дыхание. Он всё ещё прижимал её к стене, его лоб был влажным и прижатым к её плечу. Адреналин отступил, и в образовавшуюся пустоту хлынули обратно все демоны. Боль от его лжи. Унижение от собственной слабости. Обида от того, что он снова взял то, что хотел, пусть и с её молчаливого согласия.

Он медленно отпустил её, позволив ей сползти на ноги. Они не смотрели друг другу в глаза, отводя взгляды, поправляя одежду с неловкостью чужих людей. Страшная, гнетущая тишина повисла между ними, густая и липкая. Они снова стали врагами, только что совершившими акт взаимного саморазрушения на территории, которая уже не казалась ни его, ни её, а какой-то выжженной, нейтральной полосой.

Часть 5 — Свидетельство о браке

Глеб первый нарушил молчание, голос хриплый и лишённый всякой победы:

— Вот видишь. Ничего не изменилось.

Это была не констатация факта, а приговор. Им обоим. Он отступил на шаг, и в его позе вновь появилась собранность, та самая деловая напряжённость. Он выложил всё на стол сразу, как адвокат, представляющий неоспоримые улики.

— Ты до сих пор моя законная жена, Кира. Тот обряд в храме... он был настоящим. Я владелец того отеля. Всё было легально оформлено. У меня на руках все документы, включая российское свидетельство о браке.

Он протянул ей папку. Механически она взяла её. Видела гербы, печати, его фамилию, теперь ставшую и её фамилией — Ларина. Бумага была настоящей. Холодной и неумолимой. В её ушах снова зазвучала весёлая музыка, смех «туристов», и она почувствовала себя не просто обманутой, а окончательно пойманной в ловушку.

— Ты... ты меня подставил, — выдохнула она, и голос дрогнул от бессильной ярости. — Ты воспользовался моим состоянием, ты всё подстроил...

— Да, — честно признался он, не опуская глаз. — Я подстроил этот брак. И сейчас я использую своё положение, чтобы поставить тебя перед выбором.

Он сделал шаг вперёд, и в его позе, в его голосе появилась та самая стальная, не терпящая возражений властность.

— Вот моё предложение, Кира. Мы сохраняем брак. Пробуем всё сначала. Честно, без игр и лжи. Я даю нам срок — шесть месяцев. За это время мы узнаем друг друга по-настоящему. Мы будем жить вместе, как семья. И мы будем стараться.

Он выдержал паузу, дав каждому слову врезаться в сознание.

— Если через полгода ты скажешь «нет», если между нами ничего не получится — я дам тебе развод. Чистый, быстрый, без условий. Я исчезну из твоей жизни так, будто меня никогда не было. Ты получишь свою свободу назад.

— А если я откажусь от твоего «предложения» прямо сейчас? — прервала она его, поднимая взгляд, полный вызова. — Если я не хочу твоих шести месяцев и потребую развода немедленно?

Глеб замер. Вся его показная открытость испарилась, обнажив холодную, беспощадную суть. Его взгляд стал тяжёлым, как свинец.

— Тогда, — произнёс он тихо, но так чётко, что каждое слово отпечталось в воздухе, — мы остаёмся мужем и женой. На бумаге и по факту. И я никогда, ты слышишь, никогда не дам тебе развода. Я не оставлю тебя в покое. Я буду частью твоей жизни, нравится тебе это или нет. Ты будешь получать от меня звонки, цветы, визиты. Твои дети узнают о нашем браке. Твои коллеги, твои друзья — все будут знать, как ты стала моей женой. Ты можешь ненавидеть меня, можешь пытаться скрываться, но я найду тебя. Всегда. Я играю по-крупному, Кира. И ставка в этой игре — ты. Я не намерен проигрывать, не попытавшись.

Тишина, наступившая после его слов, была оглушительной. Это был не проситель. Это был хищник, загнавший добычу в угол и предлагавший ей условия капитуляции. Или вечную осаду.

Кира чувствовала, как пол уходит из-под ног. Он не оставлял ей лёгкого выхода. Только два пути: добровольное, но рискованное испытание или принудительное, вечное пленение в статусе его жены. Он как будто знал её. Знал, что она, как юрист, выберет путь с конкретными условиями и сроком, а не безнадёжную войну на истощение.

— Но зачем? — её шёпот сорвался с губ. — Ты мне мстишь? Ты безумен, Глеб, зачем тебе всё это? Зачем?

Её голос сорвался на шёпот, в нём не осталось ни силы, ни гнева, только вымотанное до дна отчаяние. И странное, леденящее понимание, пробившееся сквозь весь этот хаос. Он действительно не собирался её отпускать. Ни сейчас, ни когда-либо. Этот человек, стоявший перед ней, был не из тех, кто отступает.

Глеб смотрел на неё — раздавленную, прекрасную, свою. Да, изначально — да, он хотел мести. Планировал холодно и методично: найти, влюбить в себя, заставить поверить в счастье... и исчезнуть. Так же внезапно и без объяснений, как исчезла она. Чтобы она поняла, каково это. Чтобы его оскорблённая гордость, его раненое эго наконец утолили свою жажду. «Только я решаю, когда заканчивается игра. Только я бросаю». Эта мысль грела его все эти месяцы поисков.

— В отношении тебя — возможно, — не стал спорить он, и в его коротком признании было что-то леденящее. — Решай. Шесть месяцев попытки на моих условиях. Или вечность сопротивления — на моих же.

Но, произнося эти слова, он ловил себя на мысли, что они уже звучат фальшиво. Как эхо старого плана, который перестал работать ещё там, в ресторане, когда он увидел, как к ней прикасается чужой.

Часть 6 — Ультиматум

У Киры перехватило дыхание. Это не была просьба или предложение. Это был ультиматум. Данный человеком, который привык побеждать и для которого её жизнь стала полем битвы.

Глеб стоял, и в его напряжённой позе, в горящем взгляде читалась не просто жажда власти. Читалось что-то другое, более сложное и опасное. Он, если честно, и сам до конца не понимал, зачем ему это нужно «теперь». Зачем этот насильственный брак, эти месяцы навязчивых поисков, эта нелепая, упрямая надежда, что проросла сквозь камень обиды.

Сначала им двигало одно — желание отомстить. Пусть она помучится полгода, как мучился он. Пусть испытает на себе ту пытку неизвестности, то жгучее чувство брошенности, которое обожгло его душу. Его, Глеба Ларина, которого все считали холодным и неуязвимым, просто... выбросили. Как использованную вещь. Это было невыносимо для его гордости, для его представления о себе. «Только я бросаю». Это был его незыблемый принцип. И он поклялся его восстановить. Любой ценой.

Но после того, что произошло сегодня в прихожей, его первоначальная, ясная как лезвие мотивация пошатнулась и превратилась в нечто неузнаваемое. Да, решимость не отпускать её только усилилась, стала железной. Но к жажде мести, к оскорблённой гордости прибавилось нечто иное, сбивающее с толку. Эта яростная, животная близость, это взаимное уничтожение и возрождение в одной вспышке... Это было не просто подтверждение его власти. Это было потрясение.

В этом безумии он с жуткой, окончательной ясностью убедился. План «влюбить и бросить» был мёртв. Он провалился в ту самую секунду, когда её тело отозвалось на его, когда в её взгляде мелькнуло не только отвращение, но и та же самая всепоглощающая жажда.

Он любит эту необычную, сложную, ранимую и такую сильную женщину. Вопреки всему: вопреки началу, построенному на лжи о мести, вопреки её бегству, вопреки её ненависти. Он любит. И эта любовь родилась не из нежности, а из огня ярости и боли. И теперь его новый, родившийся в ярости план был куда страшнее и безнадежнее. Он сделает всё возможное, чтобы и она его полюбила. По-настоящему. Не как охотника или спасителя, а как того, кто он есть. Он даст им обоим этот шанс — выковать что-то настоящее из обломков лжи, мести и неистовой страсти.

Шесть месяцев. Это его новый ультиматум вселенной. Шесть месяцев, чтобы завоевать её сердце, которое он сам когда-то хотел разбить. А там... как говорят в Одессе, «будем посмотреть». Или они создадут что-то прочнее стали. Или сгорят в этой попытке дотла, унеся с собой и месть, и надежду, и эту новую, мучительную, невыносимую любовь. Но отпустить её он теперь уже не мог. Не потому что она «должна» быть его. А потому что она стала его воздухом. И без него он задохнётся.

Глеб выложил на столик в прихожей, рядом с ключами от её квартиры, свою визитку и тонкий, плотный конверт.

— В конверте — копии всех документов о браке. И моё предложение, изложенное письменно. Прочти. Подумай. У тебя три дня. Если через три дня я не получу от тебя ответа, я буду считать, что ты выбрала второй вариант. И начну действовать соответственно.

Он больше ничего не сказал. Не попрощался, не оглянулся. Просто развернулся, открыл дверь и вышел в подъездную темноту, снова оставив её одну. Один на один с рухнувшим миром, невыносимым выбором и гулом абсолютной тишины, ворвавшимся на место его присутствия.

Дверь закрылась с тихим, но окончательным щелчком. Кира медленно сползла по стене на пол, не выпуская из побелевших пальцев злополучную папку. Она сидела среди привычных, уютных вещей: детских рисунков на холодильнике, её же собственных туфель у порога, любимой вазы на тумбе. И чувствовала себя в клетке. Клетке, дверь в которую она отперла сама, сказав полгода назад в лифте всего два слова: «К тебе». Теперь эти слова эхом отдавались в её голове, звуча обвинением и роковым пророчеством.

Он давал ей иллюзию выбора, красивую, отточенную, как юридический договор. Но на самом деле выбора не было. Только отсрочка приговора. Шесть месяцев быть с ним, жить, дышать, пытаться... Или вечно быть против него, в изнурительной, безнадёжной осаде, где каждый день будет битвой.

Она закрыла глаза. Запах его одеколона — дорогой, древесный, мужской — ещё висел в воздухе, смешиваясь с привычными запахами дома: кофе, яблочного пирога, её духов. Два мира. Два запаха. И она, зажата между ними, больше не принадлежала ни одному из них полностью.

Её снова, как раскалённым железом, обожгла мысль, которую она яростно гнала все эти шесть месяцев. Мысль, от которой холодело внутри и одновременно бешено закипала кровь. Она полюбила этого мужчину. Ещё там, на Бали. В первый же день. И сегодняшняя слепая, позорная страсть лишь доказала это с неопровержимой жестокостью. Кира только в самом фантастическом, запретном сне могла представить, что они снова будут вместе. И теперь эта несбыточная фантастика обернулась суровой, безвыходной реальностью с жёсткими условиями и откровенными угрозами.

И всё же... где-то в самой глубине, под толщей страха и гнева, шевельнулся крошечный, опасный росток надежды. «А вдруг?..» Возможно, он тоже сможет её полюбить? По-настоящему. Не как трофей, не как добычу, а как женщину. Как ту самую, единственную.

Кира с трудом поднялась. Она смотрела в тёмный проём окна, не видя ни мерцающих огней соседних домов, ни мигающей неоновой вывески магазина через дорогу. Она видела только своё отражение — бледное лицо с огромными, испуганными глазами. Внутри была пустота, звонкая и холодная, как заброшенный колодец.

Сегодня она совершила вторую по глупости ошибку в своей жизни, допустив эту встречу наедине и показав ему свою слабость, свою не преодоленную жажду. А первой, самой роковой, была, конечно, та самая поездка на Бали.

Цепь была замкнута. И ключ от этого замка теперь лежал в тонком конверте на столике в прихожей.

Глава 2. Воронка воспоминаний

Часть 1 — Падение

Кира уже в сотый, в тысячный раз прокручивала в голове тот водоворот, что закружил и перемолол её жизнь полгода назад. Как всё это получилось? Как она, Кира Валерьевна Соколова, сорокапятилетняя состоявшаяся женщина, владелица небольшой успешной юридической фирмы, мать двоих взрослых детей и уже даже бабушка прелестной внучки, названной в её честь Кирочкой, оказалась женой человека, о котором не знала ровным счётом ничего?

Всё началось с падения. С обвала. С того дня, когда она узнала, что муж, с которым прожила больше двадцати пяти лет, которому родила двоих детей и чью карьеру (а потом и просто жизнь) поддерживала последнее десятилетие, оказался не просто изменником. Его избранница ждала ребёнка. Маленькую, живую, осязаемую печать предательства.

Она помнила ту давящую пустоту, которая накрыла её с головой. Не было истерики, не было слёз. Был безжалостный приговор. Она подписала все документы на развод, не глядя, не слушая ничьих уговоров.

— Подумай о себе, кому ты уже будешь нужна, кроме меня, — нёс ахинею его виноватая, испуганная речь. — Тебе уже под полтинник, а фигура после двоих детей оставляет желать лучшего...

— После двоих детей, Андрюша, которые я рожала, между прочим, от тебя, — спокойно уточнила Кира. — И пока ты строил карьеру и изменял мне с молоденькими, я эту фигуру содержала в порядке без твоей помощи.

Он обиделся. Настоящий мужик всегда обижается, когда ему предъявляешь факты.

Кира не слышала даже детей, умолявших маму «остыть и подумать». Потому что думать она уже устала. Двадцать пять лет думала — хватит.

Как только на руки упало свидетельство о расторжении брака, она по совету подруг купила первую попавшуюся горящую путёвку. Это оказалось Бали. Она не предупредила никого. Выслушивать сочувствие, видеть жалость в глазах друзей и коллег, растерянность в глазах детей — на это у неё уже не было сил. Ей нужно было сбежать. Исчезнуть. Перестать быть Кирой Валерьевной Соколовой, сильной женщиной, бизнес-леди и брошенной женой. Хотя бы на время.

Самолёт приземлился рано утром. Кира заселилась в фешенебельный отель, написала детям, что с ней всё хорошо, она уехала отдыхать на одиннадцать дней, отключила телефон и попросила её не искать.

День прошёл на берегу океана. Красиво. Экзотично. Всё как в журнале. Только вот счастливые пары отдыхающих раздражали, а размышления о прошлом лишь усиливали боль.

К вечеру она приняла стратегическое решение. Мила и Маша были правы — клин клином вышибают. Только месть (пусть даже символическая, в виде курортного романа) сможет подлатать её истерзанную гордость и веру в себя.

Кире было сорок пять, но выглядела она неплохо. Ничего специального для этого не делала — просто повезло с генами и отсутствием привычки ****есть**** на ночь. За двадцать пять лет брака она ни разу не изменила Андрею, хотя комплименты слышала регулярно. Относилась к ним с юмором — мало ли что скажут, лишь бы в постель затащить. Частенько даже женщины говорили, что она красивая и прекрасно выглядит. Вот им она верила больше, чем мужчинам, и это ей слегка льстило.

Но сейчас всё изменилось.

Курортный роман. Десять дней в роли «падшей женщины». Она даже не представляла, как у неё это получится, но была настроена решительно.

В первый же вечер Кира спустилась в бар отеля и начала своё падение.

Начать было решено с мартини. Это был единственный напиток, который, разбавив апельсиновым соком, она при необходимости могла выпить в небольшом количестве. Она всегда себя контролировала, но сегодня была нацелена на другое и решила соком не разбавлять. Ведь если она не сможет осуществить свой план по восстановлению гордости, то начнёт жалеть себя. А жалеть себя было нельзя — это путь в никуда.

Мартини текло слишком легко, а пустота внутри требовала заполнения. Время шло, но никого подходящего для осуществления мести не находилось. Почти за всеми столиками сидели пары (табу), а персонал не входил в её планы.

Часть 2 — Мужчина мечты

Появившийся уже к концу вечера за соседним столиком мужчина был как раз таким, который мог бы её увлечь: высокий, статный, сильный, с дорогими часами на запястье и внимательным, чуть насмешливым взглядом. Но её решимости даже с приличным количеством алкоголя не хватило, чтобы сделать первый шаг самой, а он никак себя не проявлял.

Кира поняла, что уже пьяна и на сегодня хватит, попробует завтра, и решила идти в номер, пока ноги её ещё держат.

Подходя к лифту, она поняла, что ноги не слушаются, мир поплыл, и она чуть не рухнула на прохладный кафель.

Её подхватили сильные руки. Уверенные, твёрдые. И голос... Голос обволакивал, как тёплый бархат, и возбуждал вопреки всему трезвому остатку рассудка.

— Тебе куда?

Кира подняла голову.

Высокий. Широкие плечи. Тёмные волосы, собранные в небрежный хвост. Глаза цвета виски — тёмные, пронзительные, с хитринкой. Дорогой костюм, который сидел на нём так, будто он в нём родился.

Тот самый незнакомец из бара.

И тогда, в ту глупую, отчаянную секунду, что-то в ней сорвалось с тормозов. Вся верность, вся любовь к тому ничтожеству, что её предал, вся гордость независимой женщины — всё испарилось, оставив лишь жгучую потребность забыться.

— К тебе.

Вся её прежняя жизнь, с её принципами и правилами, в этот миг рухнула в тартарары.

Он не рассмеялся, не оттолкнул пьяную незнакомку. Только усмехнулся одними уголками губ и молча нажал кнопку лифта.

Пентхаус.

Глеб сбежал на остров от очередной навязчивой подруги, которая, как и многие до неё, кружилась вокруг него, готовая на всё ради его внимания. Его давно это не привлекало. Он презирал эту игру. Презирал женщин за их легкомыслие, за то, что они не умеют отвечать за свои поступки, предпочитая прятаться и убегать от ответственности.

Это презрение было выковано в горниле его собственного прошлого.

Его бывшая жена, Кристина, была молодой, ослепительно красивой моделью. Их брак казался идеальным, а рождение долгожданной дочери Мии — счастьем. Но Глеб был поглощён строительством империи, а Кристина скучала в одиночестве. Она закрутила роман с фит-

нес-тренером. А когда Глеб узнал об измене и пришёл с разговором, не застал её дома. Обнаружил только короткую трусливую записку и годовалую дочь, оставленную на няню.

Кристина просто сбежала. Испугалась его реакции.

Именно тогда в нём окрепла убеждённости: женщины не способны на верность и ответственность. Они берут, наслаждаются, а когда становится трудно — исчезают, как его мать в далёком детстве, как Кристина.

Сейчас Мии уже двенадцать, и с матерью у неё прохладные, редкие контакты. Глеб растил дочь один, под крылом своей тётушки, и мысль о новых серьёзных отношениях вызывала у него лишь циничную усмешку.

И наверное, именно поэтому эта необычная женщина в баре привлекла его внимание. Не молоденькая девочка, а зрелая, с умными, печальными глазами, в которых читалась глубина и боль, а не пустое кокетство. Она сидела в одиночестве, с идеальной осанкой и потерянным взглядом, методично вливая в себя один бокал за другим.

И именно это подтолкнуло его пойти за ней, когда она направилась к лифтам.

Её ответ «к тебе» был вызовом. Искрой, упавшей в порох. В нём вспыхнула бешеная, первобытная страсть, против которой не было иммунитета.

Двери лифта закрылись.

Всё началось прямо в лифте.

Он прижал её к зеркальной стене кабины, и мир сузился до размеров этого золотистого полумрака.

Запах её духов, мартины и лёгкого пота смешался с его дорогим одеколоном. Он всё ещё держал её в своих объятиях, её спина была прижата к прохладной зеркальной стене, но теперь это был захват. Его взгляд, тёмный и неотрывный, скользнул по её лицу, остановившись на губах.

— Ты уверена? — Его голос был низким, обволакивающим, но в нём прозвучал последний, чисто формальный шанс отступить.

Алкоголь сделал своё дело. Вместо ответа Кира вцепилась пальцами в его рубашку, смяв дорогую ткань. Это был жест не соблазнения — падения. Она падала, и он был той точкой, за которую можно зацепиться, чтобы разбиться окончательно.

Больше слов не было.

Его руки скользнули по её спине, сминая лёгкую ткань платья, с силой притянули к себе. Она почувствовала, как напряжено его тело, как бьётся пульс у него на шее, когда впиалась губами в эту пульсирующую точку. Он глухо зарычал, запрокинув голову, и это было самым эротичным звуком, который она слышала в своей жизни.

Его рот накрыл её губы — требовательно, жадно, без нежности. Это был не поцелуй — утверждение власти. Она ответила с той же дикостью, сама удивляясь себе. С Андреем всё было иначе — по расписанию, в темноте, с выключенным светом, потому что «так привычнее». Андрей целовал её в губы только по праздникам, считая это, видимо, излишней интимностью.

Здесь не было никаких правил, не было места стыду. Была только нарастающая волна, смывающая все мысли, кроме одной: «Ещё».

Прохладное зеркало обожгло кожу, но уже в следующую секунду жар его тела, прижавшегося сзади, стёр этот холод. Его губы прошлись по её шее, плечам, спуская бретельки платья. Она выгнулась, отдаваясь этим прикосновениям, чувствуя, как внутри разгорается огонь, которого она не знала никогда.

— Хочу тебя слышать, — его шёпот обжёг ухо.

И когда он вошёл в неё одним резким, глубоким движением, она закричала. Не от боли — от шока, от полноты ощущений, от того, как тесно и правильно вдруг стало внутри. Он двигался резко, сильно, почти жестоко, и каждый толчок отдавался в ней вспышкой, разрывающей остатки стыда и контроля.

Она отвечала ему с дикой непосредственностью. Её тело, знакомое лишь с одним любовником, пробуждалось под его руками, как под лучшим камертоном. Это не было просто страстью. Это была битва двух одиночеств. Он, с его блестящим, отточенным мастерством, и она, с её искренней, необузданной отдачей, нашли в этой ярости странную, взрывоопасную гармонию. И Кира поняла, что сейчас умрёт. Прямо здесь, в лифте, в объятиях незнакомца, под звуки его сбитого дыхания и тихий гул механизма.

Они стояли так, тяжело дыша, пока лифт не приехал.

Он подхватил её на руки и понёс в спальню.

Часть 3 — Доброе утро

Рассвет застал их в странном перемирии.

Кира, измученная неистовством ночи и похмельем, уснула только под утро. Глеб же не спал. Он лежал на боку и смотрел на неё. Свет первых лучей выхватывал из полумрака линию её скулы, тёмные ресницы, рассыпанные по подушке волосы.

У него было много женщин. Красивых, молодых и искусных. Он был ценителем. Но эта... была иной. В ней была смесь целомудренной невинности и дикой, первозданной страстности. Она не играла роль. Она просто *была*. И эта аутентичность свела его с ума. Такое чувство — ненасытное, юношеское желание, смешанное с изумлением — он испытывал уже очень давно.

Его взгляд упал на валявшуюся на полу сумочку. Движимый привычкой контролировать ситуацию, он заглянул в неё. Паспорт и свежее, ещё пахнущее типографской краской свидетельство о расторжении брака.

Паспорт рассказал немного: возраст, имя, фамилия, в браке больше двадцати пяти лет. Свидетельство о разводе рассказало всё остальное. Вот оно. Объяснение и её отчаяния в баре, и этой странной невинности, замешанной на зрелой страсти. Её вырвало из привычной жизни и швырнуло сюда, к нему.

Глеб почувствовал не просто влечение. Он почувствовал острую, щемящую нежность к этой спящей незнакомке. И — что самое главное — он ещё не насытился. Острый, почти болезненный голод по ней всё ещё горел в крови.

Глеб Ларин привык получать то, что хотел. А хотел он теперь продлить это странное существование вне времени. Он отправил с планшета лаконичное письмо помощнице в Москву, отодвинув все встречи на неделю. Пусть думают, что он задерживается из-за переговоров. На самом деле он покупал время. Время для них.

Он осторожно притянул к себе её тёплое, расслабленное тело. Она бессознательно вздохнула и уткнулась лицом в его плечо. Это простодушное доверие во сне тронуло его сильнее любой страсти.

«Ну что же, Кира Валерьевна, — мысленно сказал он, глядя на розовеющее небо. — Давай посмотрим, что из этого получится. У нас теперь есть время».

Кира проснулась от странного чувства. Тело было разбитым, в висках стучало, но при этом каждая мышца пела тихую песню удовлетворения. И было тепло. Не от солнца, а от другого тела рядом.

Память вернулась стремительно и безжалостно: бар, лифт, его руки... Жар, стыд, безумие, восторг. Она зажмурилась.

«Надо бежать. Сейчас. Пока он не проснулся. Забыть этот позорный сон».

Осторожно приоткрыла глаза — и замерла.

Он не спал. Глеб лежал на боку и смотрел на неё. Не оценивающе, не с усмешкой. Взгляд был тёплым, пронизывающим, с желанием, от которого у неё внутри всё сжалось. И с нежностью. Той самой, которой ей так не хватало много лет.

Этот взгляд обезоружил её панические мысли. Он видел её — спящую, растрёпанную, беззащитную — и в его глазах не было насмешки. Было восхищение.

— Доброе утро, — сказал он хрипловато. — Ты как?

— Жива вроде, — ответила она, удивляясь своему голосу. — Хотя некоторые части тела требуют отдельной инвентаризации.

Он усмехнулся. Улыбка у него была хорошая — не хищная, а почти мальчишеская.

— Сначала душ, — она попыталась встать и поняла, что ноги дрожат.

Он рассмеялся — негромко, довольно.

— Я тебя обидел?

— Нет, — честно ответила она. — Но впечатлений на сегодня хватит.

Он протянул руку, коснулся её щеки.

— Это только начало.

И в этот момент в голове у Киры что-то щёлкнуло. Логика, долг, стыд отступили перед простой, животной правдой.

Почему бы и нет? Ведь именно это и было её планом. Он ничего не знает о ней. Она не знает его. Они — две случайные точки, пересекшиеся на несколько дней. Просто курортный роман. Красивый, жаркий, ни к чему не обязывающий. Разве не за этим она сюда приехала? Чтобы сбежать, забыться, почувствовать что-то, кроме боли?

Он дал ей это. В его объятиях она была не брошенной женой, а просто женщиной. Желанной. Страстной. Счастливой. Такой... живой.

Это и будет её мстостью Андрею. Возможностью снова поверить в себя. А потом они разъедутся. Останутся только воспоминания. Воспоминания о том, как она позволила себе быть счастливой и безумной всего один раз в жизни.

Этот шанс лежал рядом и смотрел на неё тёмным, обещающим взглядом.

И Кира, отбросив все сомнения, сделала выбор. Не он потянулся к ней первым. Она сама, медленно, протянула руку. Её пальцы коснулись его щеки, провели по линии скулы.

Этот жест был для него всем. Ответом. Приглашением. Разрешением.

В его глазах вспыхнул огонь. Но на этот раз не было той первобытной ярости. Была медлительная, почти церемонная страсть. Он целовал её так, будто у них была вечность.

Часть 4 — Семь дней

И всё закружилось снова. Теперь в этом безумии была не только ярость отчаяния. Была и радость. Радость согласия. Радость того, что она решает свою жизнь, сама выбирает это падение. Она отдавалась не как жертва, а как соучастница.

Они теряли счёт времени. И Кира думала только об одном: пусть этот день никогда не кончается. А что будет потом... Потом будут воспоминания. И они будут такими яркими, такими жаркими, что их хватит, чтобы согреть долгую, спокойную жизнь.

Они пробыли вместе семь дней.

Семь дней, выпавших из времени, из реальности, из всех законов, по которым до этого жила Кира.

Он раздевал её медленно, смакуя каждый сантиметр обнажающейся кожи, каждую реакцию. Его пальцы находили те точки, о существовании которых она даже не подозревала. Он

заставлял её стонать, кричать, выгибаться, просить. Он брал её жёстко и нежно, быстро и томительно долго, и каждый раз это было по-новому.

— Ты как наркотик, — выдохнул он однажды, когда она лежала без сил, прижимаясь к его влажной груди. — Не могу остановиться.

— А надо? — спросила она.

Он не ответил. Только притянул её ближе и поцеловал в макушку.

Именно тогда Кира поймала себя на страшной мысли: она влюбляется. Не в курортный роман, не в красивые жесты — в него. В то, как он смотрит, как смеётся, как заказывает ей чай с имбирём, когда у неё лёгкая тошнота от смены климата.

Просыпалась Кира на рассвете не от звука, а от ощущения. От тишины, которая была не пустой, а густой и бархатной, нарушаемой лишь далёким, убаюкивающим рокотом океана. И от тепла. Тепла чужого тела рядом. Она лежала на спине, а его рука, уверенная, лежала у неё на животе, ладонь распластана, будто замеряя тихие всплески жизни внутри.

Она не шевелилась, вглядываясь сквозь полупрозрачные шторы в разгорающуюся полоску рассвета. Всё в этом пространстве кричало о другом мире. Мире лёгкой, непринуждённой роскоши, который она всегда считала чужим. А теперь она проснулась в его эпицентре.

Стыд и паника подступали комком к горлу, но их оттесняла странная, глубокая усталость. Усталость от долгого напряжения. И тихое, предательское любопытство.

Эти дни стали водоворотом, но не только страсти. В них появились просветы — длинные, ленивые разговоры на террасе, когда солнце клонилось к закату и воздух становился томным. Они говорили обо всём, кроме главного. Не касались прошлого, не строили планов на будущее. Их диалоги были похожи на игру в мяч — лёгкую, изящную, где каждый ловил мысль другого и отбрасывал свою.

Кира рассказывала о книгах, которые любила в юности, о том, как однажды вела почти безнадёжное дело и выиграла его. Он говорил о музыке, о впечатлениях от далёких стран, но не как турист, а как человек, умеющий подмечать суть. Она ловила себя на мысли, что он умён, начитан и ироничен. Это было неожиданно и опасно притягательно.

Она отвечала осторожно, обходя личные мели, и чувствовала, как между ними натягивается невидимая струна недоговорённости.

В одно из первых совместных утр, глядя на её профиль, освещённый первым лучом, он спросил:

— А как тебя называли в детстве? Родные, близкие?

Она замолчала, глядя в темнеющий океан. Ей почему-то показалось, что настоящее имя сейчас будет звучать слишком откровенно, слишком по-настоящему. Оно привяжет её к этой жизни, от которой ей скоро предстоит отказаться.

Вырвалось само, тихо:

— Мила.

Кира не догадывалась, что Глеб уже знал о ней всё, что можно было узнать за такой короткий срок. Паспорт и свидетельство о разводе рассказали свою историю, а его помощница за сутки добыла сухую справку: успешный юрист, разведена, двое взрослых детей. Но он хотел слышать это от неё. Хотел, чтобы она ему доверилась. А она отгораживалась милым, ничего не значащим псевдонимом.

Ему стало обидно и больно. Не от её отказа, а от понимания, насколько глубоко она ранена, насколько крепко заперта в своей раковине. Он ловил её редкие, произвольные улыбки, видел ум в её глазах, когда она спорила о чём-то, чувствовал её доброту в том, как она говорила о детях, даже не называя имён. Она оказалась умной, сильной, невероятно цельной.

И он понял, что в лоб, открыто, ничего не получится. Слишком горда, слишком осторожна. Она не доверяет никому, особенно мужчине.

И тогда у него созрел план, отчаянный и циничный, который в его голове выглядел как романтический жест. Если она не хочет открывать своё прошлое, боится обязательств, нужно создать для неё новую реальность. Сначала заманить в неё, а уж потом... а уж потом он сделает всё, чтобы она в этой реальности осталась.

Он сам с удивлением ловил себя на мысли, что готов на всё, лишь бы эти дни не кончались. Впервые после предательства Кристины, после многих лет холодных связей и глубокого недоверия к женщинам, он почувствовал не просто влечение, а острое, почти болезненное желание... завладеть. Не телом, а жизнью. Этой молчаливой, раненой, невероятной женщиной, которая назвалась Милой.

Часть 5 — Красивый роман

Их дни обрели ритм, похожий на дыхание океана — плавный, гипнотизирующий, вечный в своей изменчивости.

Утром они просыпались вместе с солнцем. Глеб заказывал завтрак, и они ели его прямо в постели — спелые манго, сладкую папайю, воздушные круассаны, которые таяли во рту. Кира, обычно строгая к себе даже в еде, позволяла себе эту сладкую безответственность. Сидя среди смятых шёлковых простыней, с крошками на подушке, она чувствовала себя одновременно развратной и невинной, как подросток, тайком пробуя запретный плод.

— Ты ешь, как птичка, — говорил Глеб, наблюдая, как она осторожно отламывает кусочек круассана.

— А ты — как человек, который знает, что завтрак уже оплачен, — парировала она, и они смеялись, а потом целовались, и на губах оставался вкус кофе и сладкой выпечки.

После завтрака они шли на пляж — рано, когда солнце ещё не жгло, а песок был прохладным и влажным. Их прогулки были молчаливыми, но это было не неловкое молчание, а наполненное — шумом прибоя, криками чаек, шелестом пальм. Он брал её за руку, и его ладонь, тёплая и уверенная, казалась единственной твёрдой точкой в этом плывущем мире.

Иногда они останавливались, и Глеб что-то показывал — необычную ракушку, следы краба на песке, корабль на горизонте.

— Смотри, — говорил он однажды, указывая на двух чаек, деливших рыбу. — Настоящая семейная сцена.

— Жестокая, — усмехнулась Кира.

— Но честная, — парировал он. — Каждый борется за своё место.

В такие моменты она ловила себя на том, что слушает не только его слова, но и тембр голоса, следит за выражением его лица, за тем, как морщинки у глаз сходятся, когда он улыбается. И каждый раз в груди что-то сжималось — сладко и больно одновременно. Она начинала напоминать его. Его привычку поправлять волосы, когда думает. То, как он прищуривается, глядя на море. Как смеётся — негромко, с лёгким хрипловатым оттенком.

Обедали они где придётся — иногда в маленькой забегаловке у воды, где ели рыбу-гриль пальцами, иногда в их пентхаусе. Но ужин всегда был особенным. Глеб устраивал его на террасе, когда уже опускались сумерки и зажигались первые огни вдоль побережья. Свечи в стеклянных колбах мерцали, отражаясь в тёмной воде бассейна.

Однажды вечером, когда подали десерт — шоколадный фондан с тающим сердечком, Глеб сказал:

— Знаешь, что мне нравится в тебе больше всего?

— Что? — спросила она, чувствуя, как учащается пульс.

— Ты не играешь. Не пытаешься казаться лучше. Ты просто есть.

Она опустила глаза, водя вилкой по тарелке.

— Возможно, мне просто не хватает воображения для игр.

— Или смелости быть собой, — тихо добавил он. — Это дорогого стоит.

Именно после таких разговоров, после таких ужинов, когда вино согревало, а свечи отбрасывали танцующие тени на его лицо, страх подкрадывался к ней. Не тот острый страх, что заставляет бежать, а тихий, ползучий ужас перед неминуемым концом. Она начинала считать дни. Их оставалось уже не семь, а пять. Потом три. Каждый восход солнца, каждый закат приближал момент, когда этот волшебный пузырь лопнет.

По ночам, когда он спал, а она лежала без сна, прислушиваясь к его дыханию, страх становился осязаемым. Она боялась не расставания — с расставаниями она справится. Она боялась той пустоты, что наступит после. Боялась, что вернётся в свою жизнь и не сможет в неё вписаться. Что её квартира покажется слишком тихой, работа — слишком скучной, а собственное отражение в зеркале — чужим.

Но страшнее всего было другое — она всё более убеждалась, что влюбляется. Не в курортный роман, не в красивые жесты и дорогие ужины, а в него самого. В того мужчину, который слушал её, не перебивая. Который помнил, что она вчера сказала про нелюбовь к устрицам. Который однажды утром, не спрашивая, заказал для неё чай с имбирём, когда она пожаловалась на лёгкую тошноту от смены климата.

Эта любовь пугала её больше всего. Потому что была настоящей. А всё настоящее, как знала Кира, имеет свойство заканчиваться. Или превращаться в нечто другое, зачастую — уродливое. Предательство Андрея научило её этому с жестокой наглядностью.

Однажды во время вечерней прогулки по берегу она вдруг остановилась.

— Знаешь, что самое страшное в таких историях? — спросила она, не глядя на него.

— Что они заканчиваются? — предположил Глеб.

— Нет. Что ты начинаешь верить, будто они могут не кончаться.

Он не ответил сразу, лишь крепче сжал её руку. Они стояли так, пока волны не начали лизать их босые ноги, напоминая о том, что всё течёт, всё меняется, и ничто — даже этот прекрасный миг — не вечно.

В этот вечер между ними пробежала первая трещина — не громкая ссора, а тихое, щемящее понимание, что воздушный шар их прекрасного сна начинает терять высоту. Они говорили об отъездах, о билетах, о мире за пределами пентхауса, океана и этого сказочного курорта. Глеб говорил легко, строя планы, в которых она уже неотъемлемо присутствовала. А Кира ловила себя на том, что мысленно примеряет на себя эти планы, как чужое, но невероятно красивое платье, и боится сделать неловкое движение, чтобы не порвать ткань.

И в этот момент она поймала его взгляд. Не тёплый, не усмехающийся, а тот самый — с обложки безумного романа. Пристальный, проникающий, почти физически ощутимый. Взгляд человека, который уже всё решил.

И она испугалась. Не его. Себя. Той бездонной глубины внутри, в которую она была готова рухнуть без остатка.

Часть 6 — Разоблачение

На восьмой день он предложил:

— Давай сбежим отсюда ненадолго. Покажу тебе одно место.

Местом оказался старинный храм в джунглях, куда водили туристов. Кира согласилась с лёгким сердцем — всё это казалось частью того же прекрасного, нереального сна.

У храма, среди каменных изваяний богов, их окружила весёлая толпа. Началось представление с танцами, музыкой, яркими одеждами. Кира смеялась, ловя взгляд Глеба, который смотрел на неё с затаённой, тёплой усмешкой.

Потом один из «жрецов»-артистов предложил им пройти шуточный обряд благословения.

— Это проводят у нас для туристов! Просто шоу!

Они стояли, держась за руки, пока им повязывали цветочные браслеты и произносили скороговоркой что-то на местном языке, заставляя повторять за собой простые слова. Кира повторяла, улыбаясь, чувствуя себя ребёнком на празднике. Глеб повторял за ней, но его взгляд был серьёзным, пристальным.

Он знал, что делает. Это был его ход. Его ловушка, задуманная как подарок. И как гарантия того, что она не сбежит, как сбежала Кристина.

В конце «жрец» вручил им свиток, туго свёрнутый, перевязанный лентой.

— Сувенир! На память о празднике!

Кира, смеясь, сунула свиток в пляжную сумку. Она даже не развернула его тогда. Это была часть шоу. Милая безделушка.

Той ночью, вернувшись в пентхаус, они стояли на террасе. Океан шумел внизу, а небо было усыпано чужими, южными звёздами. Он обнял её сзади, прижав подбородок к её виску.

— Спасибо, — тихо сказала она, не уточняя, за что. За эти дни. За возможность просто дышать.

— Это только начало, Мила, — так же тихо ответил он, и в его голосе была такая твёрдая уверенность, что у неё на мгновение перехватило дыхание.

Она не знала, что он говорит не персонажу, не «Миле», а ей — Кире Соколовой. Той, чью жизнь он уже твёрдо решил сделать своей.

А свёрнутый свиток лежал в сумке, как неразорвавшаяся бомба.

Утром она проснулась раньше. Глеб ещё спал.

Она накинула его рубашку — белую, льняную, пахнущую им — и вышла на террасу. Потом вспомнила про вчерашний «сувенир». Достала из сумки свиток, развязала ленту.

Бумага плотная, пергаментная. Вверху витиеватые буквы местного алфавита, ниже — перевод на английский. «Свидетельство о благословении».

Она лениво пробежала глазами строчки. «Да будут сердца их едины под взором богов... да сопутствует им удача...»

Потом увидела имена.

Муж: Глеб Михайлович Ларин.

Жена: Кира Валерьевна Соколова.

Она заморгала. Буквы не исчезали.

Соколова. Кира Валерьевна. Её настоящие данные. Те, которые она ему не говорила. Никогда.

По спине пробежала дрожь.

— Нравится сувенир? — раздался голос с порога.

Она резко обернулась. Глеб стоял в дверях, прислонившись к косяку. Наблюдал. В глазах — тёплая, довольная усмешка.

— Что... что это?

— Что именно? — Он подошёл, взял свиток из её онемевших пальцев. Взглянул с деланным любопытством. — О, смотри. Наши имена? Наверное, из данных бронирования взяли.

Он пожал плечами, будто это ерунда.

— Ну, или боги всё знают. Теперь, выходит, ты перед ними моя официальная жена.

Он произнёс это с лёгкой, шутливой интонацией. Но каждое слово падало, как монета на весы.

— Никуда от меня теперь не денешься, Кира Валерьевна. Союз скреплён. Пусть и в шутку.

Глеб улыбался, глядя, как она переваривает. Как страх и недоверие борются в ней с желанием поверить.

— Не бойся, — сказал тихо, касаясь её щеки. — Это на счастье. Я позабочусь обо всём. И о тебе.

Свиток лежал между ними, как тихая пощёчина, как договор, который она подписала, даже его не читая. Теперь она знала: бежать от него будет не просто трудно. Будет невозможно. Потому что он знал, кто она. И, судя по всему, знал с самого начала.

Вечером, когда они снова ужинали при свечах, Кира подумала, что, возможно, настоящая смелость — не в том, чтобы сбежать от боли, а в том, чтобы позволить себе чувствовать, зная, что этому чувству суждено стать воспоминанием. Горьким и сладким одновременно, как тот шоколадный десерт, что таял у неё во рту, оставляя послевкусие, от которого хотелось и плакать, и смеяться.

Часть 7 — Снова в бега

И тут между ними пробежала первая прохладная тень — разговор о билетах, об отъездах, о возвращении в «реальную жизнь». И Кира, поймав его пронзительный, почти одержимый взгляд, вдруг испугалась. Не его. Себя. Той бездонной глубины чувств, в которую она уже почти рухнула с головой. Страх, что всё это для него — лишь временное отдохновение, сильнодействующее, но преходящее лекарство, а для неё — смертельно опасная ловушка.

Восемь дней и ночей в золотой клетке пентхауса пролетели как один долгий, прекрасный и страшный сон.

Ночью она проснулась от жажды. Глеб спал.

Она, накинув его белую льняную рубашку, пахнущую его кожей, дорогим мылом и океанским ветром, выскользнула за водой. В гостиной, залитой серебристым светом, царил тёплый полумрак.

Её босые ступни замерли на прохладном паркете, когда из приоткрытой двери кабинета, где он периодически «работал», донеслись приглушённые, но очень оживлённые голоса.

Два мужских голоса. Один — с мягким местным акцентом, другой — русский, с подбострастными, слащавыми нотками.

«...Босс просто светился от счастья, когда всё с этой русской леди сложилось, — усмехался русский голос. — Настоящий трофей, я вам скажу. Не то что местные... А уж как он её обставил с этой „церемонией“! Шедевр режиссуры!»

Кира прилипла к прохладной стене, превратившись в слух. ****Холодная**** струйка страха пробежала по позвоночнику.

«Всё для „мероприятия“ в храме подготовил, — продолжал русский, и в его голосе слышалось неподдельное восхищение. — Персонал проинструктирован, „жрец“ — свой, проверенный человек. Сюрприз удался на все сто. Думаю, она до сих пор под впечатлением».

«Босс знает, что делает, — усмехнулся второй голос. — Отель его, люди его. Что захочет, то и получит. Сколько их тут за эти годы сменилось... ярких, красивых бабочек. Но эта, кажется, особенная. Интересно, надолго ли?»

Кира уже не слушала продолжения. В ушах встал оглушительный, звенящий гул, заглушающий даже рокот океана. Хозяин отеля. Мероприятие. Свои люди. Сколько их было...

Отдельные осколки фраз, как осколки зеркала, сложились в чудовищную, кристально ясную картину.

Он не был случайным отдыхающим, богатым поклонником. Он был режиссёром-постановщиком. Владельцем сцены. И всё — эта «случайная» встреча в лифте, эти восемь дней и ночей забвения, вчерашний трогательный «сюрприз» в древнем храме — всё было частью грандиозного, дорогого спектакля. Частью изощрённой охоты скучающего сибарита, для которого она стала новым, сложным трофеем.

Вернувшись в спальню, она несколько секунд просто смотрела на его спящее лицо, высеченное из мрамора лунным светом.

«Дура. Наивная, доверчивая дура», — прошептала она без звука, и в груди не было боли. Была знакомая, стальная, обжигающая ярость. Ярость женщины, которую уже однажды использовали, выжали и выбросили, и которая поклялась себе, что это в её жизни — в последний раз.

Она собрала вещи быстро, дрожащими руками. Не всё — только самое необходимое, своё. Потом достала из самого дальнего кармана сумки выключенный телефон. Руки тряслись так, что она трижды промахнулась мимо кнопки включения. Загрузка казалась вечностью.

Первый и единственный звонок — сыну. Максиму. Три часа ночи в Москве.

— Макс, — её голос прозвучал хрипло, но чётко, без тени сомнения или истерики. — Слушай внимательно. Я на Бали. Мне нужно уехать. Прямо сейчас. Поменяй мне билет на ближайший рейс в Москву. Любой. Через что угодно. Сделай это немедленно.

— Мам, что случилось? Ты в порядке? — в его сонном голосе тут же зазвучала паника.

— Всё в порядке. Просто сделай. И не звони, пиши. Я сама позвоню, когда смогу. Люблю тебя.

Она положила трубку, отключила звук и вибрацию. Через несколько минут пришло смс: «Готово. Рейс через Сингапур, вылет из Денпасара в 06:20. Билет на почте. Мам, пожалуйста, береги себя».

06:20. У неё было меньше трёх часов.

Один последний раз она обернулась на спящего Глеба. Никакой нежности, никакой грусти. Только ****презрение**** — к нему, за этот грязный спектакль, и к себе — за то, что снова попала в ловушку.

Затем она сняла с пальца тонкое золотое кольцо — то самое, что он подарил ей в первый день, сказав: «Чтобы не потерялась». Горькая, циничная шутка. Положила его на тумбочку, аккуратно рядом с его часами.

Пусть знает.

Босиком, с туфлями в руке, она выскользнула из пентхауса. В лифте, глядя на своё бледное, искажённое отражение в зеркальных стенах, она поймала себя на мысли, что чувствует ровно то же самое, что и тогда, уезжая от мужа: не острую боль, а огромную, зияющую пустоту. И дикую, неистовую решимость эту пустоту заполнить. Чем угодно. Только не очередной ложью.

Она прошла через спящее, освещённое мягким светом лобби. Ночной портье, тот самый, что всегда встречал их с сияющей улыбкой, кивнул ей с той же самой профессиональной полуулыбкой. Ещё один актёр.

Сердце сжалось от нового приступа тошноты. Она вышла в тёплую, влажную, пахнущую цветами и океаном ночь. Такси до аэропорта ждало у подъезда — они всегда здесь стояли.

Сидя в машине, мчавшейся по тёмной дороге, окаймлённой силуэтами пальм, Кира смотрела в окно на промелькнувшие огни отелей и понимала: она сбежала. Снова.

Но на этот раз она бежала не от боли прошлого, а от поддельного, ядовитого будущего. От человека, который оказался не спасением, а самой изощрённой ошибкой в её жизни.

И она поклялась себе, глядя в темноту, что это бегство станет для неё последним.

Больше она бегать не будет.

Глава 3. Один шанс

Часть 1 — Жена или мошенница

Когда Кира проснулась тем утром в своей московской квартире, осознание накрыло её новой, гнетущей волной. Она — законная жена Глеба Андреевича Ларина. Не сон, не фантазия. Юридический факт, закреплённый гербовыми печатями и подписями, от которых теперь не отмахнуться.

Она лежала в своей постели, смотрела в знакомый до трещинки на потолке белый матовый плафон люстры и пыталась привыкнуть к этой мысли. За окном начиналось серое московское утро, по карнизу барабанил мелкий осенний дождь, и вся эта привычная, уютная обыденность вдруг показалась обманчивой декорацией. Настоящим было только то, что произошло вчера в прихожей. И конверт с документами, который до сих пор лежал на столике, как вещественное доказательство её безумия.

Паника, заставившая её тогда, на Бали, сбежать, отступила, сменившись глухим, выматывающим принятием. Она пыталась вернуться в свою старую жизнь, но та уже не могла быть прежней. В ней появилась трещина, пустота, которую она тщетно пыталась заполнить работой, встречами с детьми, вознёй с маленькой внучкой, в чьём смехе искала и находила временное забытие.

А он её нашёл. Вернее, они нашли друг друга — в этом безумном хороводе обид, недоговорённостей и невыносимого притяжения.

Три дня. Всего три дня тишины после его визита, чтобы решить: готова ли она снова добровольно впустить в свою жизнь этот ураган по имени Глеб Андреевич Ларин? На этот раз — с открытыми глазами. Или обречь себя на вечную холодную войну с человеком, который, как она теперь понимала, не остановится ни перед чем?

Его визитка на столе была не приглашением, а ультиматумом, вежливо завернутым в картон. Выбора, по сути, не было. Только иллюзия выбора, красивая, как хорошо составленный юридический договор. Но Кира была юристом достаточно долго, чтобы понимать разницу между иллюзией и реальностью.

Реальность была проста: он предлагал шесть месяцев. Шанс. Страшный, опасный, но единственный шанс всё расставить по местам. Принять решение, а не бежать от него.

Два с половиной дня мук и раздумий. Она почти не спала, ворочалась в постели, вставала пить воду, снова ложилась, и перед глазами всплывали картины одна другой невыносимее: то его лицо в свете балийской луны, то его взгляд в прихожей — напряжённый, отчаянный, почти безумный. Она прокручивала в голове их разговоры, их ссору в ресторане, его ультиматум. И где-то в самой глубине, под слоями обиды и страха, теплился крошечный, опасный огонёк надежды.

На третий день Кира приняла решение. Точнее, поняла, что оно уже принято — не головой, а чем-то более глубоким, тем, что заставило её тогда, на Бали, сказать ему «да» под звёздами.

Она взяла себя в руки, привела в порядок и мысли, и внешний вид. Выбрала строгий тёмно-синий костюм — не вызывающий, не кокетливый, а деловой, подчёркивающий статус. Волосы убрала в гладкий пучок. Макияж — минимум, только чтобы скрыть следы бессонницы. Она шла не на свидание. Она шла на переговоры.

Адрес с его визитки привёл её в современное офисное здание в центре, с зеркальными лифтами и охраной на входе, которая вежливо, но настойчиво попросила назвать цель визита.

— К Глебу Андреевичу Ларину, — сказала Кира, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я его... по личному вопросу.

Охранник сверился с планшетом, нахмурился.

— Вас нет в списке на сегодня. Вы записаны?

— Нет. Но он ждёт меня. Передайте, что пришла Кира Соколова... Ларина, — поправи-
лась она, и фамилия, ставшая вдруг её собственной, прозвучала непривычно, почти чуждо.

Охранник набрал номер, что-то тихо сказал в трубку, выслушал ответ и раздвинул губы в профессиональной улыбке, за которой Кира уловила лёгкое недоумение.

— Проходите. Пятнадцатый этаж, приёмная.

Лифт вознёс её наверх с тихим, почти музыкальным шелестом. Сердце колотилось где-то у горла. Кира смотрела на своё отражение в зеркальных стенах лифта и видела женщину, которая собирается шагнуть в пропасть. Или в новую жизнь. Или и то, и другое одновременно.

Часть 2 — Королева офиса

Она стояла перед массивной дверью с табличкой «Генеральный директор Глеб Андреевич Ларин». Два глубоких вдоха — один, чтобы унять дрожь в коленях, второй, чтобы загнать обратно в горло комок из обид и вопросов. Она поправила прядь волос, выбившуюся из пучка, провела ладонью по юбке, будто сглаживая не только складки, но и прошлое.

Готовилась к битве. К его пронизывающим, оценивающим глазам. К сарказму. К обсуждению счетов и юридических формальностей. К тому, что придется доказывать свою состоятельность человеку, для которого её мир — лишь мелкая провинция на карте его большой жизни.

Она вошла, решительно нажав на ручку.

Тихий, прохладный воздух приёмной встретил её запахом дорогого кофе и свежей печатной краски. За панорамным окном копошился город, но здесь царила стерильная, дорогая тишина. И за огромным столом в приёмной сидела она.

Девушка (Кира мысленно даже не назвала её женщиной) оторвалась от экрана моноблока. Она была безупречна: идеальный пучок, белоснежная блуза, накрашенные с хирургической точностью губы. И глаза — большие, подведённые, но в них не было ничего от профессиональной вежливости секретаря. В них вспыхнуло мгновенное, животное узнавание, а затем — **непроницаемая** стена. Но за этой стеной плясали искорки: враждебность, триумф и что-то мелкое, собственническое.

— Здравствуйте, — голос Киры прозвучал тише, чем она хотела. — Мне нужен Глеб Андреевич Ларин.

— Глеб Андреевич очень занят. Вы кто? У него нет запланированных встреч, — голос «куклы» был сладким, как сироп, и острым, как лезвие. Она даже не спросила имени. Её взгляд скользнул по Кире с головы до ног — быстрая, уничижительная оценка, мгновенно поставившая диагноз: «не потенциальный клиент».

Внутри Киры что-то дрогнуло. Не страх, а нечто худшее — понимание. Этот взгляд, эта поза, эта едва заметная, но явная враждебность... Это была не просто секретарша. Это была женщина, считавшая себя здесь если не хозяйкой, то уж точно главной хранительницей. Та, для кого появление любой незнакомой женщины в этом кабинете — личная угроза.

Любовница. Слово жгло изнутри, кислое и постыдное. Кира вдруг представила, как эта идеальная девушка поправляет Глебу галстук, смеётся над его шутками, знает его расписание

лучше, чем она когда-либо знала мысли Андрея. И от этого сравнения, от этой внезапной, дурацкой ревности защипало в глазах.

— Я его жена, — сказала Кира, и слова повисли в воздухе нелепым грузом. Она сама не поверила их значимости в этой обстановке.

Идеальные брови девушки поползли вверх. На губах появилась тонкая, снисходительная улыбка. Не удивление, а торжество. «Ах, вот ты какая», — говорила эта улыбка. «Та самая, из-за которой он сам не свой последние полгода? Да ты посмотри на себя».

— К сожалению, Глеб Андреевич правда очень занят, и он не упоминал о том, что ожидает... вас, — слово она произнесла с лёгкой, ядовитой заминкой. — Без предварительной договорённости я не могу вас с ним соединить. Вы могли бы написать на почту...

— Я подожду, — Кира сделала шаг к кожаным креслам для гостей.

Это было ошибкой.

Девушка мгновенно поднялась. Её слащавость испарилась, обнажив холодную, профессиональную жестокость.

— Я попрошу вас не создавать неудобств. Если вы не выйдете самостоятельно, мне придётся вызвать охрану. Вы ведёте себя неадекватно.

Слова «сумасшедшая» сказано не было, но повисло в воздухе, густое и осязаемое.

Кира замерла. Она видела себя со стороны: чужая, взволнованная женщина в дорогом, но чужом ей офисе, которую выставляет подчёркнуто идеальная фарфоровая кукла. Волна жгучего стыда и ярости накрыла её с головой. Но хуже стыда была та самая «бабья», унижительная ревность, которая скрутила желудок в тугой узел.

— Послушайте, — Кира сделала последнюю попытку, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я не собираюсь устраивать скандал. Мне просто нужно поговорить с мужем. Передайте ему, что я здесь. Он поймёт.

— Я уже сказала: Глеб Андреевич не принимает без записи, — девушка говорила теперь медленно, чеканя каждое слово, как учительница с нерадивой ученицей. — Если вы сейчас же не покинете помещение, я вынуждена буду вызвать охрану.

— Вызовите, — вдруг сказала Кира, и в её голосе зазвенел металл. — Вызовите. И тогда вашему Глебу Андреевичу придётся объяснять, почему его жену выставили из его же офиса. Думаете, ему это понравится?

На мгновение в глазах девушки мелькнуло что-то похожее на испуг. Но оно исчезло так же быстро, как появилось, сменившись ледяной решимостью.

— Я не знаю, кто вы и откуда взяли эти документы, — прошипела она, кивнув на папку в руках Киры, — но Глеб Андреевич — мой начальник, и я обязана оберегать его покой. Уходите по-хорошему.

Кира поняла, что проиграла этот раунд. Не потому, что была слабее, а потому, что играла не по тем правилам. Девушка охраняла свою территорию, свой мир, в котором у неё была роль — пусть маленькая, но значимая. А Кира здесь была чужой.

Она развернулась и вышла, не сказав больше ни слова. Дверь закрылась за её спиной с мягким, но окончательным щелчком.

В коридоре она прислонилась к прохладной стене и закрыла глаза. В ушах билась кровь, в груди клокотала ярость, смешанная со стыдом и унижением. Её выставили. Как назойливую попрошайку. Как сумасшедшую.

«Нет, — прошептала она себе. — Ничего не изменилось. Это просто его очередной каприз, игра. А у него уже есть... замена».

Она вышла на улицу, где моросил всё тот же мелкий, противный дождь. Он тут же принялся стекать по её волосам, по лицу, смешиваясь со слезами, которые она отказывалась замечать.

Кира отключила телефон — чтобы никто не отвлекал, чтобы не услышать его голос, который сейчас разорвал бы её на части. И несколько часов бродила по городу, пытаясь заглушить внутреннюю бурю ритмом шагов. Она заходила в какие-то кафе, пила кофе, не чувствуя вкуса, смотрела на витрины, не видя товаров. Просто шла, пока не начала замерзать.

Но хаос в душе не стихал. Её сжигало чувство беспомощности и гнева.

«Нет. Так больше не будет. Я больше не позволю себя унижать. Ни бывшим мужьям, ни их новым беременным подругам, ни напыщенным секретаршам моего номинального... мужа».

Часть 3 — Ты уволена

В это самое время в другом конце города разворачивалась своя драма.

Звонок разрезал тишину кабинета-люкса в отеле «Империял» — месте, которое Глеб Ларин выбрал не для жизни, а для ожидания. Последние два дня он жил здесь, в пятнадцати минутах от офиса, как на пороховой бочке, не смея отлучиться даже на сон. Каждый раз, когда звонил телефон, сердце колотилось о рёбра с идиотской надеждой. И каждый раз это оказывался деловой звонок.

Но этот был другим.

— Глеб Андреевич, — голос в трубке был сладким, как патока, и таким же липким. Марина, его личный помощник, которая за последние пару лет незаметно присвоила себе статус негласной хранительницы его времени, настроения и, как ей казалось, сердца. — К вам тут... приходила одна особа.

Глеб, не отрываясь от отчёта, который уже час не мог прочесть, пробормотал:

— Оставь документы на столе. Я заеду позже.

— Нет, вы не поняли. — В её голосе зазвучала та самая, едва уловимая фальшивая нотка, которую он раньше не замечал или не хотел замечать. Игривость, переходящая в злорадство. — Она назвалась... вашей «женой».

Мир не просто замедлил ход. Он обрушился в чёрную, беззвучную пустоту. Воздух вырывало из лёгких, а в груди застрял пульсирующий ком. Гул в ушах заглушил всё. Сквозь него пробилось одно слово, раскалённое и страшное: «приходила».

Значит, Кира всё-таки пришла. После двух суток невыносимого, выматывающего ожидания. После полугода жизни в аду, где каждый день был битвой между надеждой и отчаянием. Она согласилась. Переступила через свою гордость, страх, недоверие. И пришла к нему. Сама.

— Жена, — его собственный голос прозвучал хрипло, чуждо, словно ржавый гвоздь по стеклу, перебивая поток оправданий, который уже лился из трубки. — Где она?

В трубке наступила ошарашенная тишина. Марина явно ждала чего угодно: благодарности за бдительность, снисходительного смешка, раздражённого «разберись сама». Но не этого. Не этой срывающейся на крик, животной интонации, в которой бушевала неконтролируемая смесь ярости, надежды и паники.

— Я... я не могла допустить, чтобы какая-то ненормальная беспокоила вас, — наконец выдавила она, и в её голосе впервые дрогнула неуверенность, мгновенно затопленная обидой. — Она выглядела неадекватно! Растерянная, глаза дикие... Я вызвала охрану и попросила её вывести.

— Ты что сделала? — Глеб вскочил с кресла так резко, что оно с грохотом откатилось и ударилось о стену. Ключи от «Астон-Мартина» лежали на столе, и он схватил их слепым, точным движением. — Ты вызвала охрану? Ты выставила её? Мою жену?

— Глеб Андреевич, она вела себя агрессивно! — голос Марины стал тонким, капризным, срывающимся на фальцет. — Она угрожала! Сказала, что вы пожалеете!

— Что ты ей сказала? — Глеб уже бежал по коридору, на ходу натягивая пальто. — Что именно ты ей сказала, Марина?

— Я... я только попросила её уйти по-хорошему. И сказала, что у вас нет и не может быть никакой жены, потому что я...

— Потому что ты — что?

— Потому что я знаю вас лучше всех, — выпалила она, и в её голосе прозвучала обиженная гордость. — Я была с вами всё это время, а она... она просто какая-то аферистка!

Глеб остановился посреди коридора. В его глазах горел такой холод, что даже стоящая рядом горничная инстинктивно отшатнулась.

— Марина, — произнёс он очень тихо, и этот тихий голос был страшнее любого крика. — Собери свои вещи. Завтра тебя здесь не должно быть.

— Что? — В трубке повисла пауза, а потом она затараторила, захлёбываясь словами: — Вы не можете! Я работаю на вас три года! Я знаю все ваши контакты, всех клиентов, все...

— Ты перешла черту, — отрезал он. — Ты позволила себе судить о моей личной жизни. Ты позволила себе оскорбить женщину, которую я люблю. И ты солгала мне. У тебя есть ровно один день, чтобы передать дела. Гонорар получишь в полном объёме. Но завтра тебя здесь не будет.

Он нажал отбой, не дожидаясь ответа.

Город, знакомый до последнего переулочка, в этот день превратился для Глеба в гигантский, враждебный лабиринт.

Сначала — в офис. Он ворвался в здание, игнорируя удивлённые взгляды персонала. Охранник на посту, парень с простым лицом, смущённо рассказал:

— Она, господин Ларин, даже не сопротивлялась. Просто спросила: «Он точно знает?» А ваша помощница сказала ей что-то вроде «не для таких, как вы». Она тогда так побледнела... И ушла. Быстро. В лифт.

Часть 4 — Потеря

«Не для таких, как вы».

Глеб представил, что почувствовала Кира, услышав эти слова. Она, которая пришла, пересилив свою гордость, свой страх, своё недоверие. Она, которая согласилась дать ему шанс. И её встретили презрением и охраной.

— Где Марина? — спросил он ледяным тоном.

— Она... она ушла. Сразу после того, как вы позвонили. Очень быстро собралась и ушла.

— Хорошо. — Глеб повернулся к охраннику. — Если она завтра появится здесь — не впускать. Распоряжение я передам лично службе безопасности.

Он вышел на улицу, сел в машину и на секунду замер. Куда теперь? К ней домой? Он уже был там — дверь никто не открыл. Она могла быть где угодно.

Он достал телефон и набрал её номер. Сброс. Ещё раз. Сброс. Десятый, пятнадцатый, двадцатый раз — всё та же пустота.

«Отключила телефон, — понял он. — Как тогда на Бали. Просто исчезла».

Глеб написал сообщение. Короткое, отчаянное: «Кира, это Глеб. Перезвони, пожалуйста. Мне нужно тебе кое-что объяснить. Это важно. Я не знаю, что произошло в офисе, но клянусь, я не имею к этому отношения. Прошу тебя, дай мне шанс всё исправить».

Отправил и замер в ожидании. Тишина.

Он поехал к её дому. Поставил машину напротив подъезда, выключил двигатель и стал ждать. Час, два, три. Дождь стучал по крыше, дворники мерно скрипели, разгоняя воду по лобовому стеклу. Глеб смотрел на окна ее квартиры — тёмные, безжизненные.

«Где ты?»

Мысли сами собой потекли в прошлое, в тот рассвет на Бали, когда он проснулся и не нашёл её рядом.

Шесть месяцев назад. Бали.

Глеб проснулся от чувства пустоты. Не физической — в душе. Рука, ещё не слушаясь разума, потянулась через широкую кровать.

Шёлковая простыня на её стороне была прохладной. Непроницаемо, неумолимо прохладной.

«Наверное, уже пошла к себе, принять душ и привести себя в порядок», — мелькнула первая, сонная мысль. У неё был свой номер тремя этажами ниже. Она ценила личное пространство, и он это уважал. Но почему-то **внутри всё сжалось** тревожной дробью.

Глеб схватил телефон, чтобы позвонить ей. И замер.

У него не было её номера. Он даже не спросил. Он был так уверен, что у него всё под контролем, что она никуда не денется.

«Идиот», — прошипел он себе сквозь зубы, чувствуя, как паника начинает подтачивать железный самоконтроль.

Его взгляд упал на прикроватную тумбу. Рядом с его швейцарскими часами, лежавшими циферблатом вниз, блестело тонкое золотое кольцо. То самое, которое он надел ей на палец в первый вечер, с глупой, самоуверенной улыбкой: «Чтобы не потерялась, Кира». Оно лежало идеально ровно. Как обвинительный приговор, вынесенный самому себе.

Он накинул первый попавшийся халат и, не помня себя, помчался в её номер. Дверь была приоткрыта. Внутри царил выхолощенная, мёртвая чистота. Исчезла не только её сумка. Исчезли все следы: забытая на краю раковины заколка, тюбик крема с потёртой этикеткой, даже лёгкий, едва уловимый отпечаток её присутствия в воздухе.

— О, простите, сэр! — горничная с тележкой замерла на пороге. — Мы думали, номер свободен. Госпожа уехала на рассвете. Видели, как садилась в такси.

Мир сузился до яркой, болезненной точки где-то в груди. Он стоял посреди этой безупречной, бездушной роскоши, сжимая в кулаке холодное металлическое кольцо, и чувствовал, как что-то внутри него — какая-то важная, несущая балка — ломается с тихим хрустом.

Он допустил чудовищную ошибку, разыгрывая свою сложную партию. Он думал, что хитростью, романтическим сюрпризом и легальной бумагой можно привязать такую женщину навсегда. А её, оказывается, можно было только заслужить.

И тогда, в этой звенящей тишине, Глеб Ларин, который привык только брать, дал себе новое слово. Он найдёт её. Не для того, чтобы вернуть силой или шантажировать той дурацкой бумагой. А чтобы попросить прощения. И чтобы вымолить... один шанс.

Часть 5 — Новый шанс

Уже почти ночью Кира вернулась домой.

Она промёрзла до костей, промочила ноги и теперь сидела на кухне, сжимая в ладонях горячую кружку с чаем, глядя в одну точку. Телефон лежал на столе, выключенный, мёртвый. За окном лил дождь, и капли стучали по подоконнику с монотонностью метронома.

Мысли в голове были вязкими, как холодный мёд. Она прокручивала сцену в приёмной снова и снова, и каждый раз стыд вспыхивал с новой силой. Эта девушка с идеальными бро-

вями, с её сладким ядовитым голосом, с её торжеством в глазах... Она выставила её, как нашкодившую кошку.

«Не для таких, как вы».

Эти слова въелись в память. Что она имела в виду? Не для таких — старых? Не для таких — разведённых? Не для таких — из другого круга?

Кира вздохнула и, собрав волю в кулак, включила телефон.

Экран вспыхнул в темноте кухни, как маяк. Пропущенных вызовов было двадцать три. Все с незнакомого номера. И одно сообщение, пришедшее несколько часов назад:

«Кира, это Глеб. Перезвони, пожалуйста. Мне нужно тебе кое-что объяснить. Это важно. Я не знаю, что произошло в офисе, но клянусь, я не имею к этому отношения. Прошу тебя, дай мне шанс всё исправить».

Она перечитала сообщение три раза. Вглядывалась в каждое слово, ища подвох, скрытый смысл, намёк на насмешку. Но слова были простые, почти беспомощные. Не похоже на того самоуверенного хищника, который ставил ей ультиматум у неё в прихожей.

«Клянусь, я не имею к этому отношения».

Верить? Или это очередная игра?

Кира отпила глоток чая, обожгла горло и вдруг отчётливо, до боли ясно вспомнила его лицо в ту ночь, когда он пришёл к ней впервые после полугода разлуки. В его глазах была не уверенность победителя, а лихорадочная, почти безумная надежда. Он боялся. Он боялся, что она откажет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.